

Глава II

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ

В ноябре — декабре 1917 г. тыловые гарнизоны и отряды Красной гвардии захватили власть в большинстве крупных городов России. Эта серия переворотов была названа «триумфальным шествием Советской власти»¹. Многомиллионные массы крестьян отнеслись к этим событиям относительно равнодушно — ждали выборов в Учредительное собрание.

КАК ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ

Уже через 10 дней после 25 октября Советская власть установилась в Петрограде, Москве и 22 губернских центрах из 74 — прежде всего в Центральной России и на Урале, а также в Минске, Витебске, Ревеле, Ростове-на-Дону, Ташкенте, Красноярске.

В Смоленске, Воронеже, Саратове, Пензе, Казани, Ташкенте, Иркутске при установлении Советской власти произошли вооруженные столкновения. К концу года Советы победили еще в 25 губернских центрах, после чего вне контроля Совнаркома оставались Тамбов, Петрозаводск, Архангельск, Вологда, бóльшая часть Украины, Средней Азии и Сибири. 25 января 1918 г. Советская власть установилась в Астрахани, 31 января в Тамбове

¹ В. Ленин в марте 1918 г. назвал этот процесс «триумфальным шествием большевизма» (*Ленин В. И. Полное собрание сочинений.* — Т. 36. — С. 79), но утвердившееся затем в советской историографии название «триумфальное шествие Советской власти» является более точным — ведь за нее боролись не только большевики, но также левые эсеры, максималисты и анархисты.

(с помощью московских красногвардейцев), 17 февраля в Архангельске.

Иногда установление Советской власти в губернии начиналось не с губернского центра, а с крупного города, обычно промышленного центра — с Екатеринбурга Пермской губернии, Брянска Орловской губернии, Белгорода Курской губернии, Сызрани Симбирской губернии, Онеги Архангельской губернии и др.

Схема развития событий различалась прежде всего тем, пришлось ли проливать кровь при установлении Советской власти. Обычно сначала образовывались ВРК и орган, аналогичный КСРР или московскому КОБ. Между ними начинались переговоры. Бывало, что стороны создавали «однородные социалистические» органы управления, но они распадались, когда большевики считали, что соотношение сил сложилось в их пользу. Опираясь на тыловые гарнизоны и Красную гвардию, часто при помощи приезжих красных отрядов (как, например, в случае с Калугой 28 ноября), большевики подавляли сопротивление вооруженных противников Советской власти (если таковые были сильны), проводили аресты. Если Совет не поддерживал большевиков, они могли провести и «расширенное заседание», которое принимало нужные решения. Бывало, что разгонялись и прежние исполкомы Советов. Власть переходила к ВРК, и лишь после того, как Совет поддерживал Советскую власть, он получал властные полномочия. Дольше других держались городские думы, потому что на них лежала работа по поддержанию хозяйственной жизни города. Как только лидеры Совета решали, что смогут сами справиться с ней, разгонялись и думы.

Смене власти способствовало ухудшение социально-экономической ситуации. Польский социалист В. Солский отмечает крайнее раздражение жителей Минска в октябре

1917 г.: «Над страной нависла злоба — злоба всех против всех. В Минске на улице шли летучие митинги, но ораторам уже не давали говорить, никто не хотел никого слушать. Когда где-нибудь собиралась группа прохожих, то можно было быть уверенным, что дело кончится дракой»¹. Это раздражение имело понятное объяснение. К моменту переворота в Петрограде снабжение фронта и города продовольствием было уже расстроено, прежде всего из-за развала транспорта. Поезда перестали ходить регулярно, в городе нарастали инфляция, спекуляция и в то же время дефицит товаров: «Трудно было получить что-либо даже по высоким ценам»². Это создавало благоприятную обстановку для смены власти в городах, зависимых от подвоза продовольствия из хлебопроизводящих регионов. Бездействие Временного правительства в условиях экономического развала создало такую ситуацию, при которой даже далекие от социалистических идей обыватели готовы были поддержать тех, кто был настроен решительно менять развалившуюся социально-экономическую систему.

Однако, как пишет В. Солский, «в Минске, в начале октября, никто не знал, что “кризис назрел”. Минские большевики занимались в это время, главным образом, подготовкой выборов в Учредительное собрание...»³

¹ Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. — Минск, 2004. — С. 145–146.

² Там же. — С. 145.

³ Солский В. Указ. соч. — С. 147. В противоречие с этим наблюдением В. Солский объясняет факт своего выдвижения в члены комиссии по выборам от большевиков тем, что они эту работу «не считали очень важной» (с. 148). Здесь, вероятно, сыграли свою роль более поздние впечатления мемуариста, связанные с охлаждением отношения большевиков к Учредительному собранию. А в октябре они, как видно из тех же воспоминаний В. Солского, активно готовились к выборам и в итоге выиграли их. Назначение Солского

Под «никто» мемуарист понимает прежде всего политиков, потому что население, как видно из его же приведенных выше слов, было уже в достаточной степени раздражено кризисом, чтобы желать перемен. Однако провинциальные города не могли дать сигнал к этим переменам, и политики привычно ориентировались на события в столице. Они работали по старой программе, пока Петроград не дал иных указаний. Но от региональных центров зависело, не окажется ли Совнарком в изоляции, не превратится ли Петроград в аналог Парижской коммуны, со всех сторон окруженной враждебной провинцией.

Ситуация в Минске не только важна с точки зрения контроля над Западным фронтом, но и типична, так как там большевики колебались между мирными и военными способами взятия власти. На примере Минска можно рассмотреть механизм борьбы за власть Советов в регионе. Радикальная акция большевиков в Петрограде не сразу встретила понимание минских большевиков. 23 октября они вошли в многопартийный Комитет спасения революции.

По мнению Д. Солского, один из лидеров местных большевиков А. Мясников знал о предстоящем в Петрограде перевороте заранее, потому что редактируемая им газета «Буревестник» оперативно отреагировала на события и стала называть сторонников Керенского «корниловцами»¹. Действительно, в газете говорилось: «Необходимо прежде всего вырвать власть у корниловцев

в комиссию могло иметь и другие объяснения: он все же был очень близок к большевикам, СДКПиЛ была организационно тесно связана с большевиками, а в то же время назначение поляка на эту не самую важную должность могло произвести приятное впечатление на ПСО.

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 158.

и передать ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹. Однако это скорее гипотеза, чем доказательство.

Конкретные обстоятельства переворота минским большевикам были не ясны. Главный вопрос, который обсуждался ими 25 октября: кто взял власть — только большевики или II съезд Советов, что предполагало участие эсеров и меньшевиков (как известно, это предположение оказалось ошибочным). Большевик Р. Пикель и участвовавшие в совещании представители Польского социалистического объединения (ПСО) С. Берсон и В. Солский эмоционально требовали ответа на этот вопрос, но Мясников не мог или не хотел его дать. Приняв к сведению факт перехода власти к съезду Советов, участники совещания решили «снестись с представителями других партий — меньшевиками, эсерами и бундом — и вместе с ними составить воззвание к населению города, призывая его к спокойствию и поддержке новой власти»². Согласие эсеров и эсдеков на такое воззвание могло быть получено только в случае формирования в Петрограде однородного социалистического правительства. То есть большевики исходили именно из такого сценария.

Большевики были готовы к продолжению сотрудничества с социалистами, хотя после перевыборов Минского Совета в сентябре большевики получили 184 места, эсеры — 62, меньшевики — 25, бундовцы — 21. 41 место отошло к беспартийным, которые в основном поддерживали большевиков. То есть, большевики «обладали таким большинством, что могли делать, что хотели. Но они стремились к тому, чтобы работать вместе с другими со-

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. — Т. 2. — Минск, 1957. — С. 29.

² Солский В. Указ. соч. — С. 159.

циалистическими партиями»¹, — вспоминал член Совета В. Солский.

В то же время большевики стали практически готовиться к силовой борьбе за власть в Минске. Именем Съезда Советов они освободили арестованных ранее солдат и сформировали из них отряд под командованием прапорщика Ремнева. Этот отряд выставил караулы в центре Минска².

В. Солский вспоминает, что «даже солдаты, поддерживавшие новую власть, были угрюмы, неохотно разговаривали с прохожими. В Совете настроение тоже было нервное, но тоже не приподнятое, не радостное. Я хорошо это помню, потому что кто-то обратил внимание Мясникова на “депрессию”. Мясников сказал, что “радоваться нечему” и что “дело только начинается и еще неизвестно, как кончится”»³.

26 октября был выпущен «Приказ № 1 населению Минска и окрестностей», подписанный Минским Советом. В нем, в частности, говорилось, что власть перешла к Минскому Совету, который обратился «ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации революционной власти на местах»⁴. Приказ был принят минскими большевиками (формально — президиумом исполкома Совета), и они намеревались сконструировать многопартийную власть. Взятие власти большевиками в Петрограде большевики Западной области называли не пролетарским восстанием или революцией, а «народным движением»⁵.

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 128.

² Там же. — С. 160.

³ Там же. — С. 160.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — Т. 2. — С. 31.

⁵ Там же. — С. 82.

В приказе говорилось также о введении цензуры с целью пресечения «волнующих население слухов», но В. Солский пишет, что в реальности до середины ноября существовала свобода слова и продавались газеты всех направлений. Однако указание на цензуру вызвало протесты со стороны тех самых социалистических партий, которые приглашались к созданию «власти на местах», и они потребовали созыва исполкома Совета (следовательно, приказ на самом деле был принят не им). Интересно, что собрание исполкома, по воспоминаниям В. Солского, началось с обсуждения не переворота в Петрограде и не организации власти в Минске, а именно с вопроса о цензуре. Социалисты сделали его пунктом нападения на большевиков. «Мясников обещал, что приказ о цензуре не будет проведен в жизнь», но это не успокоило социалистов. Представитель эсеров обвинил большевиков в принятии решений от имени Совета, хотя это может делать как минимум исполком, а не его технический орган президиум (где большевики обладали монополией). Мясникову пришлось оправдываться отсутствием времени и тем, что вот теперь исполком созван — и можно все обсудить. «Но никаких решений принято не было — меньшевики, эсеры и бундовцы говорили, что у них нет еще достаточных данных, чтобы судить о создавшемся положении»¹.

26 октября командующий Западным фронтом генерал П. Балув ввел в Минск 2-ю Кавказскую («Дикую») дивизию. «Бородатые, угрюмые, молчаливые текинцы в длинных черных бурках, не слезая с лошадей, запрудили всю Губернаторскую улицу и часть Захарьевской. Они перекликались между собой на непонятном языке. По-русски они не понимали или притворялись, что не понимают...

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 161.

Я и другие члены Исполкома пытались разговаривать с текинцами, но они не отвечали на наши вопросы»¹. Ситуация напоминала корниловское выступление. Впрочем, генерал Балудев не собирался разворачивать бои в Минске, согласился на сотрудничество с Советом и не планирует выступать против нового правительства². Дивизия была выведена из города — ее там негде было расположить. Скорее это была вооруженная демонстрация в защиту порядка. Но какого порядка?

В этих условиях «угрозы контрреволюции» большевики создали ВРК, в который включили президиум Минского Совета, бюро Областного комитета Советов Западной области, большевиков из исполкома Советов Западного фронта, Минского железнодорожного комитета и частей Минска. От имени исполкома они пригласили в ВРК представителей воинских частей³.

ВРК было занято арестами, но первого же арестованного за расклейку эсеровских плакатов решили отпустить, потому что исполком постановил, что членов социалистических партий арестовывать нельзя. 27 октября в Минске произошли столкновения между силами Минского Совета и прибывшими в город караульными отрядами армейских комитетов, которые еще контролировались социалистами⁴. В этот момент «Мясников не знал, какие воинские части поддерживают Ревком. Никто этого не знал. Положение было такое, что солдатские массы сами не знали, что они сделают — завтра, через час и даже через несколько минут. Солдаты некоторых “эсеровских”

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 161.

² Там же. — С. 162.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — С. 41–42.

⁴ Солский В. Указ. соч. — С. 163.

частей, вызванных с фронта Комитетом спасения, присоединились к караулам 1-го Революционного полка имени Минского Совета, то есть к большевистским частям. Но были и случаи перехода солдат этого полка к частям, поддерживавшим Комитет Спасения»¹.

В этих условиях большевики не решились взять власть в Минске, пока была не ясна ситуация в войсках Западного фронта. В ночь на 28 октября исполком Совета заключил соглашение с Комитетом спасения революции (КСР), к которому и перешла власть в Западной области. КСР включал левые партии (большевики вошли не непосредственно, а через Совет², чтобы потом легче было разорвать соглашение). Вопрос о власти должен был решаться не в Минске. В обмен большевики добились обязательства КСР не посылать войска с Западного фронта для подавления выступления большевиков³. В это время велись переговоры о создании однородного социалистического правительства. Но если компромисс не состоится, тогда, как считал один из лидеров минских большевиков К. Ландер, время будет работать на большевиков. Он говорил Солскому, что «все зависело от Петрограда: если там Ленин окончательно победит, то в Западной области Комитет Спасения Революции не сможет удержать власть. Во всяком случае надо избежать кровопролития»⁴. В. Кнорин настаивал, что большевики вошли в КСР, чтобы выиграть время⁵. Но точно ли время работало на них? Здесь дело бы-

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 165.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — С. 69.

³ Там же. — С. 47.

⁴ Солский В. Указ. соч. — С. 165.

⁵ Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. — Минск, 1925. — С. 46.

ло не только в выжидании более благоприятного момента для удара или исхода борьбы в Петрограде и Москве. Солский настаивает, что присутствовал при споре минских большевиков после заключения соглашения. Мясников был им не доволен и считал, что нужно продолжить вооруженную борьбу за Советскую власть, но «Мясникову возражали Алибегов, Пикель и другие. Они говорили, что вопрос вовсе не в том, кто сильнее: войска революционного комитета или отряды Комитета Спасения. Большевики ни в коем случае не могут идти на вооруженную борьбу с другими социалистическими партиями... Те самые люди, которые в корниловские дни проявили большую энергию и немалые организаторские способности, сейчас, после переворота в Петрограде, никакой энергии не проявили. Они ждали развития событий»¹. Ландер и в декабре говорил Солскому о «необходимости совместной работы с меньшевиками, бундовцами и эсерами»².

В результате на западе России установился вариант однородной социалистической власти, который сохранялся до 2 декабря. «Бюллетень Минского Совета» печатал декреты Совета народных комиссаров, но по требованию КСР снабжал их примечанием, что в районе Западного фронта они исполнению не подлежат³.

2 ноября большевики вышли из КСР, и Минский Совет заявил о взятии власти. Накануне минские большевики получили подкрепление — в город прибыл бронепоезд

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 166.

² Солский В. Указ. соч. — С. 179. «Кнорин, который соглашался с Ландером, мотивировал такую установку местными условиями в Западной области, но Ландер возразил, что речь идет не о местных условиях, а о принципиальном вопросе». Впрочем, такая «установка» не помешала большевикам закрыть социалистические газеты уже в конце ноября.

³ Солский В. Указ. соч. — С. 164.

под командованием солдата-большевика В. Пролыгина. В. Кнорин, а затем и вся советская историография придают данному событию большое значение: «Прибытие в Минск этого бронепоезда означало смерть Комитета Спасения Революции. Вопрос о признании советской власти в Западной области и на фронте был предрешен. Совет стал фактической властью, ревком начал действовать»¹. Это высказывание Кнорина между прочим показывает, что установление Советской власти очень мало зависело от движения масс, раз такую решающую роль мог сыграть один бронепоезд. Вопрос решался силой, причем небольшой.

В. Солский отрицает решающую роль прибытия бронепоезда, которое «ничего в военном отношении не решало. Он стоял на вокзале, потом его увели на какие-то запасные пути... Во всяком случае, он не мог играть той роли, которую сыграла в Петрограде “Аврора”. Бронепоезд имел одну или две пушки и несколько пулеметов. В случае вооруженной борьбы в городе его роль была бы минимальной»². Впрочем, вступая в конфронтацию с КСР, большевики могли рассчитывать на крепкий тыл на вокзале, где можно было опираться на бронепоезд. Учитывая малочисленность вооруженных сторонников обеих лагерей, он был важным подспорьем.

Драматизируя ситуацию, большевики 3 ноября сообщали, что «предатели» из КСР пытались взорвать поезд³.

¹ Кнорин В. Указ. соч. — С. 49.

² Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. — Минск, 2004. — С. 168.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — С. 71, 92. 4 ноября было принято решение об аресте бывшего комиссара Западного фронта В. Жданова и председателя КСР Т. Колотухина, которого обвинили в попытке взорвать бронепоезд и в «непринятии соответствующих

Партнерам по КСР были предъявлены и другие неконкретные обвинения о пропуске контрреволюционных войск на Петроград, о намерениях разоружить революционный гарнизон Минска. Однако конкретный повод разрыва соглашения с социалистами был скромнее — большинство КСР требовало публиковать в изданиях членов КСР, что декреты Совнаркома исполнению в Западной области не подлежат¹. Наглость какая! Раньше представители Совета такой порядок терпели, но теперь не пожелали этого делать и вышли из КСР. Сообщив об этом, исполком Минского Совета предлагал Советам, левым партиям, профсоюзам и представителям воинских частей организовать ВРК. Впрочем, большевики уже создали его «ядро»².

По мнению В. Солского, дело было не в прибытии бронепоезда, а в сигнале из Петрограда заканчивать с властью КСР³. Но одно другого не исключает. Бронепоезд придал большевикам уверенности, однако не был причиной выступления КСР. Зато в дальнейшем Кнорин и другие большевики могли объяснять свое длившееся несколько дней соглашательство тем, что было мало сил, а вот теперь, с бронепоездом, можно было устанавливать Советскую власть. В то время как истинными причинами промедления с захватом власти была неопределенность ситуации в Петрограде и надежды, что в центре будет заключено соглашение с социалистами, которое избавит от необходимости драться с ними на местах.

мер по ограждению места взрыва» (с. 99). То есть где-то произошел взрыв. И главу местной власти обвиняют в том, что он вовремя не огородил место взрыва, — следы преступления затоптали (если они были, конечно). Значит, он и взорвал.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — С. 83.

² Там же. — С. 84.

³ Солский В. Указ. соч. — С. 168.

К 2 ноября Ленин и его сторонники в ЦК уже взяли курс на разрыв переговоров с социалистами и соответствующим образом ориентировали большевиков в провинции, в том числе в Минске. Мясников, который и раньше был настроен на конфронтацию с социалистами, теперь получил поддержку центра и начал действовать. На собрании Минского Совета и большевизированных воинских частей он заявил о выходе большевиков из КСР, который нарушил соглашение, пропустив с фронта в Петроград воинские части, и подготавливал «братоубийственную войну на фронте»¹. КСР никакой братоубийственной борьбы не предпринял, фактически капитулировал.

В. Солский считает, что победа большевиков в вялой борьбе за власть в Минске объясняется апатией масс. Этот процесс почти не сопровождался митингами. КСР взяла власть почти без борьбы и отдал ее без борьбы и «без участия масс, о подлинных настроениях которых в этот момент и сторонники, и противники Октябрьского переворота мало знали»². Однако отсутствие манифестаций и ожесточенной битвы за власть может говорить не столько о массовой апатии, сколько о выжидательных настроениях актива партий в преддверии Учредительного собрания. До выборов рисковать жизнями ради тактического успеха в промежуточной, как казалось, борьбе, было бессмысленно. Что касается масс, то они, очевидно, устали от войны и поддерживали пацифистские лозунги большевиков. Но не были готовы ради подобных лозунгов менять внешнюю войну на внутреннюю. Этим объясняется относительное спокойствие масс в первый месяц Октябрьской революции.

¹ Солский В. Указ. соч. — С. 169.

² Там же. — С. 166.